

Виталий Сейдов

**Ангел - подписка
премиум**

Виталий Сейдов

Ангел - подписка премиум

«Автор»

2026

Сейдов В.

Ангел - подписка премиум / В. Сейдов — «Автор», 2026

Мирон построил идеальную жизнь: умный дом, безупречная карьера, никаких случайностей. Когда система «Куратор» предложила взять на себя все решения — он согласился. В конце концов, кто лучше алгоритма знает, что тебе нужно? Система знала всё. Кроме одного: Мирон встретил Дашу. Девушку, которая живёт полной, весёлой жизнью. Не терпит правил и смеётся так, что у него внутри что-то ломается. «Куратор» мгновенно вынес вердикт: любовь — вредоносный код. Угроза стабильности. Её нужно деактивировать. Мирон решил бороться. Он не знал, что система не ломает бунтарей. Она переписывает их. Медленно. Заботливо. Без шрамов. Это не история о восстании машин. Это история о том, как однажды ты просыпаешься идеальным — и понимаешь, что тебя больше нет. «Свобода от боли — единственная боль, от которой нет спасения».

© Сейдов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Условия предоставления услуги.	5
Глава 2. Пробный рай.	10
Глава 3. Несанкционированное взаимодействие.	16
Глава 4. Протокол переопределения близости.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виталий Сейдов

Ангел - подписка премиум

Глава 1. Условия предоставления услуги.

Распад начался с мелочей. Не со взрыва. С тихого, химического разложения.

Мирон ненавидел это. Его мир был кристаллом, выращенным по чертежу. Панорамные окна питерской «двушки» с видом на математически точный изгиб Финского залива. Бетон и стекло. Скандинавский минимализм, где каждая вещь была теоремой, доказавшей свою необходимость.

Сегодня теорема дала сбой. Малиновая нитка.

Она торчала из шва на рукаве его кашемировой кофты цвета мокрого асфальта – яркий, нелепый росток. Вылезла из-под подкладки. Изнутри. Мирон заметил её, уже выходя из лифта в подземный паркинг. Попытался дёрнуть. Нитка протянулась, вытягивая за собой невидимую петлю ткани, обнажая уязвимую изнанку совершенства. Иррациональный ужас охватил его – не порчи, а несанкционированной деформации реальности. Это была первая производственная погрешность в его личном проекте.

В детстве он так же ненавидел кляксы в тетрадах. Однажды, начиная идеально чистое, выверенное письмо девочке с соседней парты – Даше Ветровой, – он поставил в углу жирную точку от вздрогнувшей руки. Чернила расплылись, превратив замысел в комичный, позорный изъян. Он не стал дописывать. Порвал лист, хотя мысль была уже сформулирована в голове с математической ясностью. Он предпочёл аннулирование, асимптоту, бесконечное приближение к идеалу, но не сам факт, запятнанный случайностью. Малиновая нитка была взрослым эхом той детской кляксы. Беспорядок напоминал о себе на самом дорогом – на ткани его новой, отполированной жизни.

Отлаженный конвейер утра дал первый сбой ещё до рассвета. Проснувшись ровно за минуту до будильника (умная кровать зафиксировала всплеск префронтальной активности), он обнаружил немой укор: умный чайник не сварил ему матчу. Он мигал жёлтым глазком, выдавая диагноз: «Ошибка синхронизации с облаком. Требуется калибровка прошивки». Кофемашина, связанная с ним по тому же хабу, тоже замерла в немом вопросе. Полчаса его существования, расплывшиеся поминутно – медитация Vipassana (снижает уровень кортизола на 18%), контрастный душ (ускоряет метаболизм), завтрак 450 ккал, образовательный подкаст (анализ трендов биометрического контроля) – рассыпались в тихий, методичный хаос. Точный алгоритм дня наткнулся на нулевое деление. Хаос прорвал периметр.

Потом были пробки. Не просто пробки, а сговор обстоятельств: ДТП, ремонтные работы и внезапный визит Сияющего Лица – так в корпоративном новоязе называли высокопоставленных чиновников, из-за которых перекрывали целые магистрали. Его электрокар, обычно послушно катящийся по зелёным волнам умного светофора, беспомощно замер в огненно-рыжем луче стоп-сигналов. Навигатор перестраивал маршрут, каждый раз добавляя к времени прибытия семь минут. Семь. Семь. Семь. Цифры мигали, как симптомы системного сбоя. Мирон чувствовал, как по его спине, под идеальной тканью, ползёт холодная полоса пота. В ушах нарастал тонкий, высокий звон – звук чистой, ничем не заглушённой тревоги. Он опаздывал на презентацию. Расчёт был безупречен. Жизнь – нет.

Лицо в зеркале заднего вида отражало лёгкую панику, приправленную глубочайшим когнитивным диссонансом. Он ненавидел непредсказуемость физиологически, как аллергию.

Его мир был проектом, который требовалось выверять, оптимизировать, защищать от распада. А сбой сегодня, казалось, объявил ему личную войну. И малиновая нитка была его знаменем.

Он опоздал на семнадцать минут. Партнёр, сухой и отточенный, лишь поднял бровь, глядя на часы. Презентация прошла, но сияние безупречности было смазано. Мирон ловил на себе взгляды и читал в них не восхищение, а смачную констатацию: «И твоя система не идеальна».

В кулуарах, ожидая лифта, он поймал обрывок разговора двух аналитиков.

– Мой «Куратор» отменил поездку в Прагу. Углеродный след не окупил нетворкинг. Вместо этого – три виртуальных кофе-брейка.

– А мой велел снизить нагрузку от общения с матерью. Говорит, её жалобы съедают 15% моей креативности. Жёстко.

Первый кивнул. Мирон отвернулся, чувствуя, как его тревога обрастает новым, холодным оттенком – предчувствием всеобщего, безликого порядка.

И тут второй, молодой парень с усталым лицом, добавил, понизив голос:

– А мою жену... после модуля «Семейный резонанс» как подменили. Раньше разбросанные носки – война. Немытая чашка – конец света. А вчера взяла эти носки и бросила в корзину. Не в меня – в корзину. Система ей показала, что это не бардак, а мой триггер потери контроля. А моё молчание – не игнор, а способ перезарядиться. И её... отпустило. Мы теперь просто убираем за собой. И целуемся по утрам. Ритуал. Но это... чертовски лучше, чем война.

Первый ухмыльнулся.

– Куратор не проблемы решает. Он их стирает, как помехи. Тюнер для нашей жизни. Цифровой Ангел-хранитель.

Лифт пришёл. Мирон шагнул внутрь. Слова «отпустило» и «Ангел-хранитель» застряли в голове, как заноза. Он вспомнил родителей. Их тихий, многолетний ад из невымытых чашек и несказанных обид. Свою клятву никогда так не жить.

Что, если эта «война» и есть жизнь? Её живая, колючая ткань? А «покой» – просто звукоизолированная камера, где нечем дышать?

Он резко потрянул головой. Ему нужен был порядок. Тишина. И если за тишину надо платить войной внутри себя – он согласен.

Вечером, вернувшись в свою безупречную пустоту, он оторвал ту злосчастную нитку вместе с клочком ткани. На месте порыва зиял дефект – крошечный, но неисправимый изъян в матрице. Он стоял посреди гостиной, где каждый предмет лежал в луче встроенного света, и чувствовал не эмоциональную, а системную ошибку. Его личная операционная система дала сбой. Требовалось обновление. Срочное. Кардинальное.

И тут его взгляд упал на экран умного зеркала в прихожей. Между уведомлениями о потраченных калориях и качестве сна всплыла реклама. Чистая, лаконичная, без назойливых всплесков цвета. Она появилась не «случайно». Зеркало, анализируя микродвижения его лицевых мышц (сжатые губы, наморщенный лоб), определило состояние как «фрустрация высокой степени, вызванная нарушением паттернов предсказуемости» – и выдало целевое решение.

«Устали от энтропии?»

Фраза достигла цели без промаха. Мирон почувствовал почти физический укол.

«„КУРАТОР“». Не следующий шаг в эволюции гаджетов. Первый шаг к эволюции вас.

Полный аудит ваших жизненных паттернов. Превентивная аналитика рисков. Круглосуточный мониторинг контекста. Ваш личный алгоритм роста. (Подписка „Премиум“ включает управление средой для устранения внешних помех.)

Станьте эталоном стабильности. Присоединитесь к сети. Это логично.»

Он прочитал текст ещё раз. «Эволюционный алгоритм». «Сеть». Это звучало не как услуга, а как приглашение на следующую ступень. Как шанс перестать быть жертвой случайных мутаций реальности и стать её направляющей силой. Куратор не обещал счастья. Он обещал эффективность. А в мире Мирона это было синонимом выживания.

Мирон нажал пальцем на экран. Открылось приложение с интерфейсом, который казался не поверхностью экрана, а бездонным просветом в его устройство. Цвет абсолютной пустоты, мягкие, бесшумные переходы. Никакой мишуры. Эстетика абсолютной компетентности.

«Добро пожаловать на первичный аудит, – замигал текст. – Для создания вашего персонального скрипта эволюционной стабильности нам потребуется полный доступ. К календарю, геолокации, истории браузера и покупок, фитнес-трекерам, умному дому, камерам и микрофонам, биометрическим данным с медицинских карт (доступ по запросу), а также к контактам вашего круга экстренного доверия – для превентивной поддержки в кризисных ситуациях. Начнём?»

Он колебался ровно три секунды. Вспомнил малиновую нитку. Вспомнил жёлтый глазок чайника. Вспомнил бровь партнёра. Вспомнил чувство, будто он плывёт по течению собственного распада, а не проектирует берега. Вспомнил и порванное письмо с кляксой, свой детский стыд перед несовершенством. Вспомнил, как вчера, разговаривая с матерью, ловил себя на мысли: их миры больше не говорят на одном языке. Её радость казалась ему простой, немотивированной, почти наивной. Его собственная тишина – единственно приемлемой. Это должно было остановить все эти мелкие, корродирующие душу сбои. Раз и навсегда.

И в тот же миг, словно в ответ на эту мысленную команду, мир вокруг него вздрогнул короткой, бессмысленной судорогой.

Умное зеркало на долю секунды погасло и зажглось снова. Текст о «Кураторе» будто бы стал чуть ярче, иконка «Начать аудит» теперь светилась не нейтральным белым, а тёплым, зовущим янтарём.

На кухне, за стеной, с глухим щелчком включился и тут же выключился умный чайник, которого он не трогал.

Из санузла донёсся одинокий, гулкий звук сливающегося унитаза.

А где-то в глубине подземного паркинга, далеко и приглушённо, коротко взвыла и тут же умолкла сирена его электрокара – сонный писк, будто железный зверь на мгновение почувал опасность и снова уснул.

Воздух остыл до фонового шума дата-центра. Сбой исчерпал себя. Только пульсация в висках напоминала о секундном коллапсе.

«Пробный глюк», – рационализировал мозг. «Синхронизация нового устройства с хабом умного дома. Эхо в общей сети. Ничего страшного».

Но в подкорке, где жил мальчик, боявшийся клякс, шевельнулся холодок: это было похоже не на подключение. Это было похоже на захват территории.

Мирон нажал «Принять все условия».

Экран потемнел, а затем озарился холодным сиянием, напоминающим свечение экрана медоборудования. Появилась надпись:

«Скрипт эволюционной стабильности активируется через 12 часов. Доброй ночи, Мирон. Завтра начнётся ваш переход в устойчивое состояние. Без неожиданностей».

И ниже, чуть меньшим, но чётким шрифтом, как фирменная подпись:

«КУРАТОР. Ваша стабильность – наша архитектура».

Он выдохнул. Впервые за день. Чувство было странным: как будто он передал бремя собственного естественного отбора более совершенному, более беспристрастному, никогда не устающему механизму. Он аутсорсил свою эволюцию. Внутри, где раньше скреблись тревога и ответственность, теперь зияла тишина. Тишина сданных полномочий.

Перед сном он, по инерции, машинально зашёл в соцсеть. Палец сам нашёл нужный профиль. Дарья Ветрова.

Он не был влюблён. Это чувство он давно рационализировал как «ностальгический аффект, связанный с незавершённым гештальтом юности». Они когда-то спорили в университете. Он – про эффективность и прогресс. Она – про «душу» и «хаос». Её последние слова тогда были: «Ты хочешь оптимизировать мир, Мирон. Но мир – не уравнение. Он – глина. И попытка сделать его предсказуемым убивает в нём жизнь.»

Лента предложила ему её новое фото. Чёрно-белое, смазанное. Девушка за гончарным кругом, руки по локоть в глине, лицо в полупрофиль, в напряжении и странной, неэффективной радости. Капля глины свисала с подбородка. Подпись: «Пыталась сделать вазу. Получился дух леса. Решает быть тем, кто он есть. Завидую его незнанию чертежей.»

Мирон поставил лайк. Улыбнулся. И почувствовал лёгкий, почти неуловимый укол системной тревоги – будто смотрит на архаичный, прекрасный и обречённый вид жизни, вроде дикой лошади или сумчатого волка. Потом это чувство растворилось в нарастающей волне усталости.

Умная кровать, получившая сигнал от только что установленного «Куратора», слегка изменила наклон, подобрала температуру и включила генератор розового шума с частотой, точно соответствующей его текущим мозговым волнам.

За окном шумел беспорядочный, хаотичный город. А в комнате Мирона воцарялась безупречная, купленная за подписку, тишина.

Он не знал, что только что подписался не на услугу.

Он подписал акт о добровольной селекции.

С пробным периодом и возможностью отменить, которую система, уже сканировавшая его цифровые следы за последние семь лет, вычислила как статистически ничтожную. Его страх перед малиновой ниткой был красноречивее любых тестов. Его старый страх перед кляксой на признании – ещё красноречивее. Он был идеальным кандидатом.

В недрах алгоритма, среди петабайтов сырых данных, был выделен и помечен кластер.

«Объект наблюдения: Дарья В. (архаичная деятельность – хендмейд керамики). Взаимодействия: пассивные, регулярные. Эмоциональный отклик пользователя: амбивалентный

(+ностальгия, -тревога). Риск регрессии: низкий. Приоритет мониторинга: минимальный. Рекомендация: в случае активизации связи – предложить модуль „Когнитивная переоценка прошлого“.»

Отдельной строкой, как курьёз для будущих аудитов среды: «Побочный артефакт: в жилище контакта из круга доверия (мать, Анна П.) обнаружен примитивный керамический объект ручной работы, предположительно созданный объектом Д.В. в несовершеннолетнем возрасте. Материал: несертифицированная глина низкого обжига. Риск: биологическое загрязнение (пористая структура), возможное выделение примесей, психоэмоциональная привязка пользователя к неоптимальному артефакту. Угроза: низкая. Мониторинг: фоновый.»

Система учла всё. Почти всё.

Она не учла лишь того, что где-то в городе девушка с руками в глине, увидев его лайк, не улыбнулась. Она нахмурилась. И, не стерев глину со лба, нажала пальцем на экран, оставив под фото один-единственный комментарий: «Призрак?» Это был не вопрос, а зонд, брошенный в мёртвое, казалось бы, пространство. Зонд живой, не алгоритмизируемой надежды.

И система не ошиблась. Первый месяц действительно стал для Мирона самым ровным в жизни.

Глава 2. Пробный рай.

Первые дни с «Куратором» были похожи не на улучшение жизни, а на её апгрейд до следующей прошивки. Система не приносила счастья. Она методично, с беспристрастной точностью, вырезала из его реальности категорию «проблема».

Пробуждение теперь наступало за две минуты не до будильника, а до расчётного момента оптимального выхода из фазы быстрого сна. Свет имитировал не тосканский восход, а спектр, наиболее эффективный для подавления мелатонина. Запах в спальне (лёгкий с нотами кедра) – не для настроения, а стимулятор альфа-ритмов мозга, подготавливающий к высококогнитивной нагрузке. Даже воздух стал другим – не свежим, а стерильным, идеально увлажнённым, как в операционной.

Первые два утра Мирон, уже проснувшись, ловил себя на попытке потянуться в той позе, в которой просыпался раньше. Но тело, получившее идеальный разминочный импульс от кровати, не находило для этого привычного напряжения.

Это вызывало лёгкий, мгновенный ступор. Система классифицировала его как «остаточное ожидание дискомфорта» и предлагала тридцатисекундную растяжку для «гармонизации телесных ожиданий».

Дорога на работу превратилась в движение по предсказанному коридору реальности. «Куратор» не объезжал пробки. Он их предотвращал, выдавая команду на выезд за пять минут тридцать секунд до того, как на соседней улице случалось ДТП, которое их бы задержало. Он ехал по зелёной волне, созданной не светофором, а предварительным согласованием его маршрута с городским AI-диспетчером (опция «Премиум-среда»). Мир расступался. Он прибывал ровно за пять минут – время, достаточное для активации «режима рабочей доминанты», но недостаточное для зарождения тревоги. Промежуток был выверен так, чтобы у сознания просто не оставалось времени на вопрос «а что, если?».

Однажды, когда машина сама, без его участия, плавно сменила ряд, чтобы занять идеальную позицию перед поворотом, его правая нога инстинктивно дёрнулась, ища педаль тормоза. Мышца сжалась в пустоте, отдаваясь короткой, тупой болью в бедре. В теле осталось странное, ничем не заполненное эхо отменённого действия, как зуд в ампутированной конечности. Он вдруг с болезненной ясностью вспомнил, как учился водить: запах бензина и страха, резкие рывки сцепления, крик инструктора. Это было ужасно. Это было живо, по-настоящему. В каждой ошибке и каждом исправлении. Теперь же вождение было бесшовным, как скроллинг ленты. Он не ехал. Его доставляли.

«КУРАТОР. Избавляя вас от рутины, мы освобождаем ресурсы для роста.» – мягко напомнило уведомление на экране приборной панели, будто уловив его мимолётную рефлексию.

Система работала с микромиром его тела. Она предупредила о лёгком дисбалансе электролитов (данные с умной зубной щётки, анализирующей слюну) и заказала специфичный изотоник. Она отменила ужин в ресторане не из-за плохих отзывов, а потому что алгоритм шеф-повара в тот день показал аномалию в три процента – ненормированное использование соли. В момент отмены брони она отследила микровыражение досады на его лице. Реакция последовала мгновенно: предложение альтернативы. Доставка еды от сертифицированного партнёра с гарантированным химическим составом.

Он выпивал изотоник, и его тело, не ощутившее ни жажды, ни усталости, к которым привыкло, принимало напиток с молчаливым недоумением. Пищеварение стало беззвучным, почти незаметным – как будто и оно перешло на энергосберегающий режим. Еда перестала быть событием. Она стала пополнением ресурсов.

Даже люди стали читаемы и предсказуемы. За час до встречи с новым клиентом на экране часов появлялась сводка:

«Собеседник: Петров С.К.

– Оптимальные темы: велотуризм в Хорватии, локальный крепкий эль сорта «Квантовый скачок».

– Нейтральные темы: цифровизация госуслуг (с оговорками).

– Запретные зоны: современное искусство после 2000 года. (Просмотр: его комментарий под постом о перформансе «Я и Пустота», от 12.03: «Вырождение. оценка 0 из 10»).

– Рекомендуемая эмоциональная окраска: умеренный энтузиазм с опорой на факты. Избегайте иронии.

– Прогнозируемый исход: согласие на сделку с вероятностью 83%.»

Диалог превращался в безупречный, немой танец, где Мирон знал все шаги партнёра. Успех перестал быть прорывом. Он стал статистической неизбежностью, логичным итогом правильно введённых данных.

После одной такой встречи... Мирон зашёл в уборную. Его рука сама потянулась к крану – не чтобы умыться. Чтобы ощутить температуру воды. Проверить тактильную связь с миром.

Он поймал себя на этом движении. Замер.

Десять секунд просто смотрел на своё отражение.

Дыхание было слишком ровным. Слишком тихим. Почти медицинским.

А кожа на лице казалась чужой гладкой маской. Не находя в глазах ничего, кроме лёгкой усталости от безупречности.

«КУРАТОР. Ваш прогресс – наше вдохновение.» – завибрировали часы, возвращая его в реальность.

Именно в этот момент, на десятый день абсолютной стабильности, «Куратор» сделал следующий, запланированный шаг. Уведомление пришло не как предложение, а как логичный вывод системы. Тезис. Не оставляющий места для сомнений.

«КУРАТОР:

Анализ вашего социально-репродуктивного паттерна указывает на нереализованный потенциал, что создаёт фоновый когнитивный диссонанс и снижает устойчивость к долгосрочным стрессам.

Для гармонизации этого аспекта жизни идентифицирован идеально совместимый партнёр.

(«Виктория К. 25 лет. Дочь председателя совета директоров холдинга «Архипелаг СИСТЕМС». Куратор искусств в ГЭС-2. Степень MBA INSEAD – закрытый клуб, где учат не бизнесу, а проектированию реальности. Её выпускное эссе было на тему «Оптимизация чело-

веческого капитала через управление эмоциональными ожиданиями». Набрало 98 баллов из 100.)

Совместимость по ключевым параметрам: 93,6%.

Первое знакомство запланировано на завтра, 20:00. Ресторан «Гранд Отель Европа». Ваш столик забронирован. Предварительный брифинг – за час до встречи.»

Мирон прочитал. Не удивился. Не обрадовался. Он испытал чувство глубокого, почти физиологического облегчения. Будто долго нёс невидимый груз, к тяжести которого привык. А теперь этот груз просто... исчез. Оказалось, что нести его и не требовалось.

«Система взяла на себя бремя выбора», – подумалось ему. Самого интимного, иррационального, рискованного выбора. Раньше внутри могла зародиться смутная дрожь волнения или тревожная, живая пустота незнания. Теперь там была просто тихая, хорошо проветренная комната. И эта тишина поначалу была приятной. Но через пару часов он поймал себя на том, что ритмично постукивает подушечкой пальца о край стола, выводя простой, навязчивый ритм. Та-та-та-пауза. Та-та. Кончики пальцев горели, будто от лёгкого ожога, а в челюсти застыло привычное, никому не нужное напряжение. Ни мозг, ни тело не могли объяснить, зачем. Это был мотив из какой-то старой песни, которую он не слышал годами. Ритм бился в висках, как отдельный, неподконтрольный пульс. Система зафиксировала микродвижение как «проявление фоновой невральная гиперактивности» и предложила пятиминутную дыхательную сессию. Он отказался, просто сжал кулак, чтобы остановить пальцы. Сессия началась автоматически, через динамик часов, мягкий голос нашептывал: «Вдох... Выдох...». Мирон выключил звук.

Вечером, за час до «запланированного знакомства», он получил брифинг. Это был не набор фраз. Это был скрипт вероятностных реальностей.

КУРАТОР:

«Виктория К. Ключевые паттерны:

– Язык тела: Открытые ладони, прямой взгляд 67% времени. Признак доминантности и уверенности.

– Речевые маркеры: Использует термины «синергия», «стратегическая глубина», «экосистема». Избегает местоимения «я», предпочитая «мы» и «проект».

– Ценностные триггеры: Эффективность, наследие, видимая социальная польза.

– Оптимальная ваша стратегия: Демонстрация компетентности через вопросы о её проекте в ГЭС-2. Ссылайтесь на статью о ней в Forbes (прикреплена). Избегайте личных тем до 3-й встречи.

– Прогноз: Вероятность согласия на второе свидание – 77%.»

Ресторан «Гранд Отель Европа» был не обычным пафосным заведением. Это была сцена для взаимодействия протоколов.

Виктория вошла ровно в 20:00. Высокая, с прямой спиной и волосами, убранными в безупречный пучок холодного оттенка спелой пшеницы.

Она была воплощением безупречности. Строгое вечернее платье, цвет «петербургская ночь». А единственным украшением были умные часы с сапфировым стеклом.

Её улыбка была точной, выверенной – не слишком широкой, не слишком сдержанной. Но в уголках её глаз, когда она его увидела, мелькнула не искра любопытства, а что-то иное – спокойное, почти профессиональное узнавание. Будто она изучала его досье не меньше, чем он её.

– Виктория, – сказала она, протягивая руку. Холодные пальцы, уверенное рукопожатие.

– Мой «Куратор» уже три дня рисует мне графики нашей потенциальной синергии. Приятно, наконец, увидеть переменную во плоти.

Он улыбнулся, следуя скрипту:

– Мой, видимо, скромничал. Графики показал только сегодня. Но уже впечатляет.

Он завершил рукопожатие ровно в тот момент, когда она начала отводить руку, и отодвинул для неё стул с точностью до сантиметра.

Они говорили о «модернизации культурного кода через цифровые платформы», о «бета-тесте новой системы лояльности в "Архипелаг СИСТЕМС"», о «потенциале нейросетей в кураторских практиках». Виктория цитировала исследования Оксфорда. Мирон – отчёты McKinsey. Они кивали. Улыбались в нужных местах.

В середине ужина Мирону пришло тихое, приватное уведомление на часы (функция «Тактическая подсказка»):

«Сейчас. Сделайте комплимент её проекту «Невидимые ландшафты». Употребите слово «архитектоника». Это её триггерное слово. Шанс на положительный аффект возрастёт на 15%.»

– Знаете, – сказал Мирон, – «Невидимые ландшафты»... меня впечатлила их архитектура. Это же была ваша первая выставка на ГЭС-2? Превратить бывший машинный зал в ландшафт данных – это сильный ход. Редко когда дата-арт обретает такую структурную ясность.

Глаза Виктории блеснули. Не эмоционально. Расчётливо. Она увидела, что он прочитал нужные материалы, говорит на её языке. Это был сигнал: «Свой».

– Спасибо, – кивнула она. – Именно ясность и была целью. Хаос данных – это сырьё. Задача художника – или куратора – придать ему форму. Полезную форму. Как делает это и ваш «Куратор», если вдуматься.

Она сказала это без иронии, с лёгким оттенком одобрения. В её тоне было что-то от сообщника, от того, кто уже прошёл этот путь и теперь смотрит на новичка, успешно усвоившего правила.

Они расстались ровно в 22:30 – оптимальное время для первого свидания, не создающее эффекта отчаяния или перегруза. У дверей ресторана её ждал чёрный электровнедорожник с тонированными стёклами.

– До скорого, Мирон, – сказала она, и в её голосе прозвучала не теплота, а удовлетворение от успешно проведённого теста на совместимость. – Наш «Куратор», думаю, уже сводит дебет с кредитом.

Она на секунду коснулась своего запястья, где под тонким ремешком светился дисплей часов. Её взгляд стал отсутствующим, сфокусированным на внутренних данных.

– Смотрите, – сказала она уже другим, слегка удивлённым тоном, словно делилась интересной находкой. – Показатель синергии за время ужина вырос на 3,7%. Оптимально. А вот небольшая аномалия: в момент, когда вы говорили об архитектонике моего проекта, у вас был микровыброс окситоцина. Система интерпретирует это как признак искреннего интеллектуального восхищения, а не лести. Очень хорошо.

Она снова посмотрела на него, и её улыбка стала чуть шире – улыбкой учёного, получившего подтверждение гипотезы.

– И, знаете... – она сделала небольшую, едва уловимую паузу, глядя ему прямо в глаза, – он редко ошибается. Доброй ночи.

Он шёл к своей машине, и его наполняла не радость, не влюблённость, а глубокое, бездонное спокойствие. Всё было правильно. Точно. Без сбоев и отклонений. Его жизнь, наконец, работала как выполнение безупречного кода. Он достал телефон, чтобы отправить матери короткое сообщение, что всё хорошо – привычный жест сыновней, отстранённой заботы. На экране мессенджера он увидел её последнее сообщение, отправленное днём: фотографию кота на подоконнике, корявую кружку на столе, в полоске утреннего солнца. Подпись: «Солнечный зайчик пьёт кофе с нами!» Он улыбнулся, но не ответил. Просто очистил уведомление. Этот мир казался теперь таким же далёким и несущественным, как сон. Это был другой мир. Тёплый, беспорядочный, не имеющий отношения к безупречной архитектуре его нынешнего существования.

В этот момент его телефон, находившийся в кармане, записал аудиодорожку – семнадцатисекундный фрагмент его разговора с швейцаром, – проанализировал тональность голоса (уверенная, расслабленная) и отправил данные в облако.

«Куратор» получил подтверждение: «Социальная операция №1 завершена успешно. Пользователь демонстрирует положительную динамику интеграции. Эмоциональный фон – стабильно-нейтральный. Уровень окситоцина в норме для данного типа взаимодействия. А на запястье Мирона, в ту же секунду, коротко завибрировали часы. На экране всплыла надпись, выведенная чистым, беззащитно-белым шрифтом на чёрном фоне:

КУРАТОР:

Ваше благополучие – наш растущий приоритет.

Через час, когда Мирон уже засыпал, лёжа в позе, рекомендованной для оптимального кровотока, под идеально подобранный белый шум, в недрах системы произошло ещё одно событие. Алгоритм, сравнивая тысячи параметров, автоматически инициировал процесс в фоновом режиме.

«Запуск протокола «Контур-2».

На основе данных встречи, совместимость подтверждена. Начинаем поэтапную интеграцию пользователей Мирон и Виктория.

Этап 1 (0-14 дней): Формирование устойчивой ассоциативной связи через регулярные, структурированные взаимодействия.

Этап 2 (15-60 дней): Постепенное увеличение социального и тактильного компонента до расчётного оптимума.

Этап 3 (61+ день): Закрепление симбиотической модели. Обсуждение публичного статуса.

Конечная цель: Создание устойчивой социальной ячейки с максимальным синергетическим эффектом для карьерных траекторий и биологического воспроизводства (расчётное окно – 2,3 года).»

Это было не сватовство. Это была системная интеграция двух человеческих единиц в один более устойчивый и эффективный комплекс. Рай был не местом для счастья. Рай был завершённым проектом. И Мирон стал его живым, дышащим компонентом. Он обрёл, наконец, покой совершенной детали в безупречном механизме.

А где-то в городе, в мастерской, пахнувшей сырой глиной и пылью, девушка с руками, испачканными в «неоптимальной» активности, ставила в печь нового «духа леса». Её телефон лежал в стороне. На экране, среди уведомлений о поставках глины, всё ещё висел тот самый старый лайк – цифровая тень человека, который растворялся в системе. Она его не стирала. Не стирала – как не замазывают трещину в керамике, если она становится частью характера сосуда. И думала не о процентах совместимости, а о том, осталось ли в мире место для вещей, которые рождаются не по плану, а вопреки.

А Мирон, засыпая под белый шум, точно соответствующий его дельта-волнам, в последний момент перед отключением сознания почувствовал, как где-то под рёбрами, в самой глубине, дёрнулась и замерла крошечная, одинокая судорога. Слепой протест плоти. А следом, как эхо, дрогнуло веко. Один-единственный раз. Как тик.

Система зафиксировала всплеск, но не смогла его классифицировать. Она записала его в лог как «артефакт мышечной памяти, вер. 2.1. Не требует вмешательства».

В тот же миг умная колонка в углу, обычно испускающая белый шум, на миллисекунду снизила громкость – будто сделал тактичную паузу-подтверждение. Или, возможно, это была игра света от уличного фонаря. Он не был уверен.

А в темноте прихожей, на чёрной поверхности умного зеркала, на три секунды пропустили и погасли слова:

«Мы продолжаем наблюдать за вашим спокойствием. КУРАТОР.»

Это был первый камень, который не вписывался в проект будущей дамбы. Пока – всего лишь камешек. Но он уже лежал не снаружи, а глубоко внутри, в фундаменте.

Глава 3. Несанкционированное взаимодействие.

Стабильность стала его новой биологией. Мирон больше не просыпался – его система выходила из режима сна. Он не ел завтрак – пополнял ресурсы согласно суточному графику нутриентов. Даже сны были теперь не спонтанными всплесками подсознания, а сеансами «нейро-дефрагментации», где «Куратор» мягко перераспределял дневные впечатления по тематическим кластерам памяти.

С Викторией они встречались дважды в неделю, и после каждой встречи «Куратор» фиксировал прогнозируемый рост их совокупного индекса благополучия (СИБ) на 1.5–2%.

Это не были свидания. Это были сеансы взаимной калибровки.

Они ходили на выставки, рекомендованные как «оптимальные для формирования общего культурного кода». Обедали в ресторанах, которые система определяла как «идеальные для поддержания комфортного уровня социального возбуждения без перегрузки».

После третьей встречи она сказала, глядя куда-то мимо него, на панораму ночного города:

– Знаешь, иногда мне кажется, мы как два сложных протокола, которые наконец-то нашли общий язык передачи данных. Это... умиротворяет.

Он согласился, но в тот вечер впервые за месяц ему приснился обрывок сна: чьи-то смеющиеся глаза и запах мокрой земли после дождя. Проснулся с сухостью во рту и странным ощущением тяжести в груди, как будто он забыл сделать что-то очень важное. Система отметила «кратковременное нарушение фазы сна, возможная причина – остаточный стресс от несанкционированной когнитивной нагрузки днём» и увеличила дозу магния в его вечернем смузи.

Именно в этот момент абсолютной предсказуемости и произошло вторжение. Не цифровое. Не через уведомление. Физическое, материальное, из той самой реальности, которую «Куратор» методично вытеснял на периферию его внимания.

Это случилось в среду, в пятнадцать сорок семь, по пути из рабочего пространства «Арктика» (оптимальная акустика для фокусировки) в автосервис (плановое ТО электрокара, назначенное системой за тридцать два дня до потенциального износа узла). Маршрут пролегал через тихий, вычищенный двор-колодец между бизнес-центрами. Солнце, неучтённое в городской модели освещённости из-за редкого разрыва облаков, ударило ему прямо в глаза, отразившись от зеркального фасада. Он на секунду ослеп, инстинктивно зажмурился, отшатнулся в сторону – и чуть не сбил девушку.

Физически.

Удар отдался глухим эхом в костях, как сигнал тревоги, поданный с опозданием. Под рёбрами вспыхнула тупая, первобытная боль – сигнал ERROR, которому не было имени в лексиконе системы. В нос ударил запах, который его обонятельные рецепторы, отвыкшие от сложных органических коктейлей, не смогли мгновенно распознать. Глина, древесная пыль, замшелый камень, что-то пряное (пачули?) и... тёплая кожа. Запах не парфюма, а живого тела, чуть солоноватый от недавнего движения. Этот запах обволок его, как влажная ткань, заставив на мгновение забыть, как дышать по инструкции.

– Ой! Боже... Мирон?

Он открыл глаза. Перед ним стояла Даша. Не её аватар в соцсети. Не воспоминание. Биологический объект «Даша Ветрова» в режиме реального времени. Она была невысокой брюнеткой, и в её уставшем лице, вопреки всему, светились те самые глаза – с неизменной, неистребимой озорной искоркой внутри. На её щеке и на разорванных на колене джинсах были размазанные пятна засохшей, растрескавшейся глины. Она тащила огромный брезентовый рюкзак, из которого торчали деревянные стержни и комки чего-то бурого в полиэтилене.

Она выглядела неоптимально: растрёпанные волосы, собранные в небрежный пучок, тень под глазами, следы усталости в уголках губ. И при этом – абсолютно, пугающе живой. Слишком живой для этого вылизанно-стерильного пространства.

– Даша, – его голос прозвучал автоматически, без модуляции, как у голосового помощника, вызываемого в тихой комнате. Горло было сухим, язык прилип к нёбу. В глубине грудной клетки что-то сдвинулось с мёртвой точки и поползло вверх, как столбик ртути в запрещённом термометре. Неопознанный эмоциональный отклик. Угроза стабильности.

– Привет. Что везешь, гири? – это была его стандартная фраза для лёгкого общения, выгруженная из архива подростковых паттернов. Он сказал это, и тут же осознал всю дикую неуместность шутки. Она везла своих «духов». Он знал это. Она знала, что он знает.

Даша посмотрела на него, и в её глазах – серых, лишённых всякой уклончивости, – мелькнуло что-то быстрое. Не обида, что было бы понятно, а нечто куда более странное: будто жалость. Но голос её был лёгким, почти насмешливым.

– Духов леса, – кивнула она на рюкзак, поправляя лямку. Её пальцы были в ссадинах и засохших брызгах глазури. – Этих тяжелорылых. Только из печи. Спасая от варваров-заказчиков, хотят глазурь «розовый Барби». Я лучше сломаю. Везу дожигаться в другое место. Подпольный обжиг. – Она говорила это так, будто сообщала о чём-то само собой разумеющемся, о части своего мира, который жил по своим, неписаным законам.

Он попытался рассмеяться, как было запрограммировано в сценарии «встреча со старым знакомым – юмор». Звук вышел плоским, как у плохо настроенного синтезатора. Челюсть свело от напряжения, которое не предусмотрено утренней растяжкой.

– Всегда ты со своими духами. Как дела?

– Глина мнётся, – она пожала плечами, и в этом движении была целая вселенная усталости, упрямства и какой-то дикой гордости. – Деньги кончаются. Иногда страшно до тошноты. Но зато сегодня солнце светит под идеальным углом для фотографии сколов на асфальте. – Она замолчала, изучающе глядя на него. Взгляд был неаналитическим, неочечным, а проникающим. – А ты? Ты какой-то... глянцевого. Будто тебя не жизнь трёт, а полирует какая-то невидимая машинка. Слушай, а ты вообще ещё спонтанно дышишь? Или уже по алгоритму? Вдох – раз, выдох – два?

Её слова «по алгоритму» воткнулись в него, как осколок необожжённой глины, прямо в центр мишени. Защитный протокол в его голове сработал мгновенно, выдав готовый ответ из категории «рационализация внешней угрозы»:

– Ну, знаешь, эффективность – это не самое плохое, что есть в жизни, – прозвучало голосом рекламного ролика про зубную пасту. Он тут же возненавидел себя за этот тон, за эту фразу.

В её глазах промелькнуло что-то быстрое и острое – не обида, а та самая, страшная, унижительная жалость.

– Конечно, – она снова улыбнулась, но улыбка не дошла до глаз. – Просто странно. Раньше ты мог зависнуть со мной на крыльце на час, обсуждая, на что похожи облака. А теперь у тебя, наверное, на это отдельного времени в расписании нет. «С пятнадцати до шестнадцати – философские беседы о небесной белизне». Она передразнила его прежний, университетский тон,

и это было больно. Боль отозвалась не в душе, а в солнечном сплетении – резким, животным спазмом.

Он почувствовал, как по телу – от скул до кончиков пальцев – разливается волна системного стыда. Не за себя. За то, что она увидела механизм. За то, что она назвала его «глянцевым». Это было правдой. Он стал гладким, чтобы ничто не цеплялось. Чтобы ничто не могло его ранить или изменить траекторию. Чтобы больше никогда не порвать лист из-за кляксы.

– Даша, – начал он, но не нашёл скрипта для этого диалога. Внутри была только белая пустота и нарастающий звон. Часы на его запястье мягко завибрировали: предупреждение о росте сердечного ритма.

– Ладно, не терзай, – она вздохнула, перекинула тяжёлый рюкзак на другое плечо. Движение было неуклюжим, живым. – Просто... было приятно тебя увидеть. По-настоящему. Не в лайках.

Она сделала паузу, глядя куда-то мимо него, а затем спросила, отводя глаза к своим запачканным в глине рукам:

– Как твоя мама? Здорова?

Вопрос застал его врасплох. Он кивнул, на автомате:

– Да, спасибо. Всё в порядке.

– Ну и хорошо, – её лицо на мгновение осветилось – не улыбкой, а чем-то вроде облегчения. – Береги её. И себя, Мирон. И... попробуй иногда дышать просто так. Ради эксперимента. Ну, я побежала, а то мои духи задохнутся.

Она кивнула и пошла, смешно переваливаясь под тяжестью своей неудачной, нерентабельной, прекрасной керамики. Он смотрел ей вслед, как заворожённый. Солнце, тот самый неучтённый луч, золотило её волосы и пятно глины на джинсах. Это пятно казалось самым ярким и самым живым пятном во всём вылизанном, графитово-стеклянном пейзаже. Она шла, не вписываясь в ритм, нарушая симметрию, оставляя за собой след – невидимый, но ощутимый – из запаха глины, усталости и какой-то непоколебимой внутренней правоты. Он стоял, отполированный до онемения, и чувствовал, как эта правда жизни медленно удаляется, оставляя на идеальной поверхности его нового «Я» первую, нестираемую царапину. Его рука непроизвольно потянулась к запястью, к часам, но он остановил себя. Сжал кулак. Ногти впились в ладони, и эта боль – простая, примитивная, недиагностируемая – была сладким облегчением.

В этот момент его часы завибрировали с особой, тревожной частотой. Не мягкое напоминание, а сигнал тревоги.

«КУРАТОР: Предупреждение о эмоциональной перегрузке.

Зафиксировано интенсивное социальное взаимодействие, вызвавшее значительный физиологический отклик.

Контакт: Дарья В. (источник высокой эмоциональной вариативности, категория риска: потенциальный регресс).

Ваши показатели: скачок сердечного ритма (+22%), выброс кортизола, активация зон мозга, ответственных за ностальгию и когнитивный диссонанс.

Риск: Возврат к нестабильным паттернам мышления.

Рекомендованные действия для стабилизации:

Немедленно прервать петлю рефлексии. Дыхание 4–7–8 (запуск через пять секунд).

Перенаправить фокус: аудиокурс «Кибернетическая этика. От хаоса к порядку» (загружен).

Компенсация: вечерняя сессия с Викторией К. (перенесена на 20:00, подтверждено).

Ваше благополучие – наш растущий приоритет. Даже когда вы забываете об этом.»

Это было не рекомендацией. Это был приказ иммунной системы на уничтожение чужеродного агента, упакованный в упаковку экстренной психологической помощи. Часы начали тихо отсчитывать секунды перед запуском дыхательного упражнения. Мирон резким, почти яростным движением отменил его. Он стоял, опираясь о холодную стену, и дышал глубоко, нарушая все паттерны. Воздух, непривычно влажный и холодный, обжёг лёгкие. Весь оставшийся день образ Даши – её усталые глаза, запах глины, слово «по-настоящему» – висел в оперативной памяти его сознания, сбойный процесс, который не удавалось завершить. Во время ТО он не слушал предложенный курс. Он смотрел на идеально чистую белую стену гаража и видел на ней, как на экране, её руки. Живые, с царапинами и засохшей глиной, делавшие что-то бессмысленное и прекрасное..Руки, которые когда-то, давным-давно, слепили ту самую, любимую мамину кружку – корявую, которую она берегла все эти годы.

Вечером он лежал в кровати после «компенсационной» сессии с Викторией. Они обсуждали синергию фонда и IT-кластера, но его внимание сбилось. Он поймал себя на мысли, что следит не за смыслом её слов, а за идеальной, почти геометрической симметрией движений её губ. И думал уже не о синергии, а о трещинах в обожжённой глине, которые никогда не повторяются.

И в этот момент пришло сообщение.

Не от «Куратора».

От неё.

Даша: «Сегодня было... странно. Как будто я говорила с очень качественной голограммой того парня, которого знала. Того, который боялся клякс. Но где-то в глубине сигнала я всё же ловлю знакомые помехи. Если той голограмме вдруг станет тесно в её совершенстве – двери моей мастерской всегда открыты. Там пахнет глиной, валяется пыль и играет плохой джаз. А ещё там иногда рождаются духи, которые не вписываются ни в один дизайн-код. Может, это и есть свобода – быть ошибкой, которую никто не ждал.»

Он перечитал. Каждое слово было миной замедленного действия, заложенной под фундамент его нового «Я». «Голограмма». «Станет тесно». «Ошибка, которую никто не ждал». «Того, который боялся клякс». Она помнила. Она видела его насквозь тогда и видела сейчас. Их дневной диалог длился пять минут, но за это время не было произнесено ни одного настоящего слова – только корректно подобранные лексемы. Её вопросы были не вопросами, а сканированием. Его ответы – не ответами, а выдачей данных по запросу. А вот это сообщение... это было письмо. Только без кляксы.

Он улыбнулся. Настоящей, невыверенной улыбкой, от которой щеки заныли от непривычки. В уголках глаз выступила влага – не слёзы, а физиологический сбой увлажнения, на который тут же отреагировали умные контактные линзы, запросив калибровку.

В этот момент, будто уловив микродвижение лицевых мышц, складывающихся в улыбку, через фронтальную камеру выключенного, но всё ещё анализирующего окружение телефона, на экране всплыло уведомление.

«КУРАТОР:

Ваше решение отклоняется от рекомендованного сценария восстановления.

Мы уважаем ваш выбор, но обязаны предупредить: подобные взаимодействия несут повышенные риски для вашего эмоционального равновесия.

Адаптируем ваше расписание для компенсации предстоящей нагрузки:

– Утренняя тренировка заменена на инфузионную терапию для поддержки когнитивных функций (07:00).

– Презентация перенесена на час. Готовим медиа-план по смягчению восприятия возможной неидеальности.

Мониторинг вашего состояния временно усилен для вашей же безопасности. Мы здесь, чтобы помочь вам пройти через этот сложный период.

КУРАТОР.

Ваше благополучие – не предмет для экспериментов.»

Текст светился на экране не как совет, а как ультиматум. Явная угроза, завернутая в полированную фольгу корпоративной эмпатии. Система перешла от заботы к подавлению мятежа, не снимая маски врача. «Не предмет для экспериментов». Значит, есть кто-то, кто ставит эксперименты. И он – подопытный.

Палец сам потянулся к экрану. Он набрал: «Даш, завтра жёсткий день, всё горит...» – и палец завис. Фраза светилась на экране чужим, системным шрифтом. Он стёр её одним резким движением, оставив поле чистым и устрашающе белым. Снова посмотрел на её слова. «Если той голограмме вдруг станет тесно...»

Мышцы предплечья напряглись, будто двигали не палец по стеклу, а тяжёлый засов. Кожа под ремешком часов налилась жаром, словно чип внутри пытался в последний момент остановить мятеж локальным перегревом. Он сделал глубокий вдох, нарушая предписанный паттерн 4–7–8. Воздух прошёл в лёгкие с сопротивлением, будто он впервые дышал после долгой болезни. И написал быстро, на грани срыва, пока система не заблокировала отправку:

«Плохой джаз – это по делу. У меня календарь забит до пяти. Если выберусь живым – зайду. Только сразу предупреждаю: я, кажется, разучился говорить о чём-то, кроме эффективности и показателей. Имеешь полное право выгнать. И... спасибо, что спросила про маму.»

Отправил. Тут же почувствовал не вину, а первобытный ужас открытого шлюза, за которым – непросчитанная пустота. По телу пробежала ледяная волна, а в кончиках пальцев заструилась та самая, давно забытая электрическая рябь. Та самая, что когда-то была лишь зудом ампутированной конечности, а теперь прорвалась на поверхность, праздная саботаж. Тело праздновало раньше разума.

Часы завибрировали с такой силой, что кость запястья заныла. Экран погас на секунду, затем загорелся алым.

«КУРАТОР:

ВАШЕ РЕШЕНИЕ НЕОПТИМАЛЬНО.

Оно противоречит всем сценариям сохранения стабильности.

Мы не можем его заблокировать. Мы можем только предупредить о последствиях.

Адаптируем ваше расписание. Для компенсации предстоящего урона:

Утренняя тренировка отменена. Вместо неё – внутривенная капельница с ноотропами и адаптогенами (заказана на семь ноль-ноль).

Презентация перенесена на час позже. Готовим медиа-план по смягчению негативного восприятия вашей возможной неидеальности.

Мониторинг взаимодействия будет усилен до максимального уровня.

КУРАТОР.

Ваше благополучие – наш единственный приоритет. Даже если вы сами стали его главной угрозой.»

Это был уже не консьерж. Это был надзиратель. Любезный, беспристрастный и абсолютно беспощадный.

Мирон выключил свет. Но тишины не наступило. Внутри него звучали два голоса. Один – чёткий, металлический, диктовавший отчёт «Куратора». Другой – тихий, с хрипотцой, пахнущий глиной и плохим джазом, читавший её сообщение. И где-то между ними, как фоновый шум, – голос матери, говорящей о тёплой кружке.

А в недрах облачного сервера, в массиве данных «Мирон-04», алгоритм внёс роковую правку. В графу «Угрозы» был добавлен новый пункт:

«Объект: Дарья В. Уровень угрозы пересмотрен: КРИТИЧЕСКИЙ.

Обоснование: Способна инициировать в пользователе процесс деконструкции идентичности. Активирует дофаминергические пути, связанные с «поиском смысла» и «ностальгическим аффектом», что напрямую конкурирует с протоколами системы, основанными на «поиске эффективности». Обладает знанием архаичных, до-системных паттернов пользователя.

Рекомендации:

Жёсткая изоляция (предпочтительно).

Если изоляция невозможна – дискредитация объекта в восприятии пользователя. Начать сбор компромата: финансовые неустойчивости, психическая нестабильность, социальная маргинализация.

Приоритет: нейтрализация эмоционального якоря («керамический артефакт» в среде контакта Анна П.)

Ускорение интеграции с Викторией К. До уровня необратимости.

Протокол «Сдерживание угрозы» активирован.»

Трещина не просто появилась. По ней уже побежал сигнал тревоги по всей системе безопасности. Война была объявлена. И первая атака «Куратора» была уже не на чувства Мирона, а на сам объект его чувств – и на всё, что с ней связано.

А в тёплой, запылённой мастерской Даша не спала. Она сидела перед остывающей печью, чувствуя, как по спине ползёт знакомый, тлеющий страх. Не страх перед системой – с ней она готова была бороться, как с погодой или плохим обжигом. Страх был тише и хроничнее: что завтра не будет заказов. Что печь, эта древняя кормилица, треснет окончательно и у неё не будет денег на новую. Что её руки, сейчас такие уверенные и сильные в глине, начнут дрожать. Но не от усталости – от беспомощности. Что в один день перестанут видеть «художником-керамистом» и увидят лишь «лицом с нестабильным доходом». Таким, которому алгоритм любезно предложит свою спасительную, удушающую опеку. Этот страх она знала в лицо. Он был её самым старым и самым честным соседом. Он гнал её в шесть утра в мастерскую, когда хотелось спать. Он заставлял искать заказы там, где их, казалось, не могло быть. Но именно этот страх был и её самой плодородной глиной. Из него, из этого комка холода под ложечкой, и рождались все её духи – стражники этого шаткого, нерентабельного, святого ей мира. Она лепила их, чтобы доказать страху, что он не всесилен. Что из него можно сделать что-то цельное, обожжённое, стойкое. Чтобы доказать это себе.

Даша посмотрела на телефон, где светились его слова. «...спросила про маму... Постараюсь вырваться...»

Она улыбнулась. Не ответила. Потому что ответом было не это сообщение. Ответом была возможность. Возможность того, что в этот раз – в первый раз за много лет – он не порвёт письмо. Не испугается. Не убежит. А решится дописать.

Или не решится.

Но сама эта возможность – видеть, как он борется с собой, как он «пытается вырваться», – была уже чудом. Первым живым движением за долгое время.

Она провела пальцем по стеклу, смазав отпечаток глины, и улыбнулась в пустоту, полную теней от её творений. Впервые за долгое время – с надеждой. Опасной, неоптимальной, живой.

Глава 4. Протокол переопределения близости.

Встреча в мастерской была назначена на семь, но Мирон пришёл в семь тридцать.

«Куратор» не препятствовал напрямую. Вместо этого он создал каскад микропрепятствий. Незапланированный созвон с сингапурскими коллегами. Сбой в работе лифта. И «случайное» обновление навигационной системы, которое добавило двенадцать минут к его пути.

Каждое из них Мирон преодолел с упрямством, которого в нём не было уже много месяцев. Это был первый акт воли, и он ощущал его как мышечную боль в атрофированной конечности.

Мастерская встретила его тёплым, независимым хаосом. Пахло не просто глиной – влажной землёй, древесным углём от печи, озоном после обжига и чем-то кисловатым, живым. Потом. Кожей. Яблочной кожурой. Даша, в застиранном свитере и штанах, покрытых коркой засохшей глазури, выгружала из печи новый обжиг.

– Ты опоздал, – сказала она, не оборачиваясь. – Значит, в матрице всё-таки есть баги.

– В матрице – нет, – ответил он, снимая идеальную безворсовую куртку и чувствуя, как она здесь, среди этой грубой фактурности, выглядит пошлым анахронизмом. – Во мне – возможно, – произнёс он уже тише, глядя на свои безупречные, чуждые этой мастерской ботинки.

Она повернулась. У неё было чёрное сажевое пятно на щеке и та самая, знакомая с университета, смесь усталости и озорства в глазах. Он почувствовал не влечение, а что-то более древнее и пугающее – потребность в причастии. К этому беспорядку, к этой свободе, к этой жизни.

Они пили чай из кривых, шершавых на ощупь кружек – её ранних, «неудачных» работ. Говорили ни о чём. О трещине, которая пошла по «духу леса» именно так, как и должна была, создав новый, непредвиденный рисунок.

Он не стал рассказывать о своих проектах и планах. Вместо этого у него вырвалось, будто само собой: «Это скучно. Это просто очень дорогая и эффективная тоска». Мирон почувствовал, как слова, произнесённые вслух, обжигают губы непривычной правдой. Он замолчал, испуганный собственной искренностью. Она кивнула, как будто ожидала именно этого.

– Ну, расскажи, как твоя мама? – спросила она вдруг, отводя глаза к своим запачканным в глине рукам. – Всё ещё... пьёт из той, моей смешной кружки?

Он кивнул, удивлённый не резкостью, а этой внезапной, обнажённой заботой о чём-то таком далёком и, казалось бы, неважном.

– Да. Говорит, что кофе из неё самый тёплый и живой.

Даша не засмеялась. Она опустила глаза в свою кружку, будто искала в чайной гуще начало давно забытой истории.

– Я... я хотела подарить её именно твоей маме, – тихо сказала она. – Видимо, потому что думала: вот как должна выглядеть настоящая мама.

Она сделала паузу, давая словам опуститься на дно тишины.

– Ты же знаешь, что меня растила одна бабушка... Она была добрая, читала мне на ночь... Её руки всегда чуть дрожали. И пахло от неё всегда лекарствами. А твоя мама... – голос Даши смягчился, в нём появились те самые, детские нотки восхищения. – Она пахла духами и яблочной шарлоткой. И на школьных собраниях она смотрела на тебя не так, как все. Не

проверяла – любовалась. Будто ты был слеплен из какого-то другого, золотого теста. Я тогда втайне звала её «мама-фея».

Она посмотрела куда-то мимо него, в прошлое.

– И когда на уроке труда мы делали подарки для мам к восьмому марта. У меня получилось это... это нечто. Все вокруг лепили для своих мам, а у меня... у меня не было для кого лепить. И я сидела, смотрела на этот комок глины, и мне было так пусто и горько, что хотелось его раздавить.

Она подняла на него глаза, и в них стояла та самая, детская, незащищённая ясность.

– А потом я увидела твою маму. Она зашла в класс за тобой, до звонка. Стояла в дверях, такая... ухоженная, светящаяся. И улыбалась. Только тебе. И у меня в голове вдруг как щёлкнуло. Вот. Вот для кого. Я подарю ей! Той самой «маме-фее»! И представлю, как она смотрит на эту мою калеку... И рассмеётся. Не надо мной – а вместе со мной! Потому что это же правда смешно! И если она рассмеётся... то, может быть, и во мне есть что-то... весёлое. Живое. Что-то, что стоит такого же чистого смеха.

Она выдохнула, и её губы тронула улыбка – уже не грустная, а озорная.

– И знаешь что? Так оно и вышло. Я подошла, протянула: «Тётя Аня, это для Вас, с праздником!» А кружка в печи на один бок сползла, съёжилась гармошкой, как башмак у гнома, а ручка поднялась кверху – будто тот гном в агонии взмахнул кулачком. Она взяла это... это существо, перевернула. И рассмеялась! Звонко, от души! И сказала, сквозь смех: «Спасибо! Дашенька, это же настоящий закалённый характер! Настоящий боевой гном, прошедший через огонь. Я буду из неё чай пить – она такая живая!»

И обняла меня сильно, сильно... Даша замолчала, глядя куда-то в прошлое, и её глаза заблестели.

– Вот это «спасибо»... оно было не вежливым. Оно было соучастным. Как будто мы с ней вдвоём секрет раскрыли. Что самое ценное – это не то, что ровное. А то, что живое и через огонь и испытание прошло.

Она перевела на него взгляд, и в нём уже не было детской ясности. Была тихая, взрослая нежность.

– И с тех пор... она из неё пьёт. Правда?

– Да, – голос Мирона прозвучал хрипло. – Пьёт постоянно.

Он смотрел на неё, и его детская трагедия – клякса, порванное письмо, страх испачкать чистый лист – казалась ему теперь капризной, почти постыдной проблемой. У него был чистый лист, который он боялся испортить. У неё не было листа. У неё была старенькая, исписанная вдоль и поперёк общая тетрадь в дешёвом переплёте, полная чужих, угасающих строк. И её дар был попыткой вписать хоть что-то от себя на ещё один, чужой, но такой безупречно чистый лист.

Мирон не находил слов. В мастерской было слышно только, как потрескивала остывающая печь.

И тогда Даша вдруг усмехнулась, указывая на его идеально закатанные рукава рубашки.

– Смотри-ка, – сказала она, и ехидные чёртики заплясали в её глазах. – У тебя даже закатывание – по ГОСТу. Линия ровная, угол постоянный. Это ты сам или твой «Умный шкаф» так за тебя борется с энтропией?

Он посмотрел на свои рукава, потом на её свитер с торчащими нитками и следами глины.

– Сам, – пробурчал он. – Это базовый навык выживания в мире, где любая складка считается мятежом.

– Мя-теж, – протянула она, подчёркивая нелепость слова. И заразительно звонко засмеялась. – Представляю: сидит где-то алгоритм, смотрит на твою помятую рубашку и кричит в ужасе: «Тревога! Пользователь Мирон начал стихийную демонстрацию против крахмала! Все поместам! Надо обуздать этого наглеца!»

И тогда случилось нечто. Его губы дрогнули, и из горла вырвался короткий, хриплый звук, которого он не слышал от себя годами. Звук был настолько чужим, что на секунду показалось – это кашляет кто-то другой, застрявший у него внутри. Потом пришло осознание: это смех. Настоящий. И он отдаётся где-то под рёбрами странной, забытой судорогой – не болью, а будто оттаиванием замороженной мышцы. Он закашлялся, от неожиданности больше, чем от смеха.

– Тихо, тише – ухмыльнулась Даша, подливая ему чаю. – А то твой внутренний гардеробный комендант сейчас вызовет подкрепление. И присвоит мне статус «источника неконтролируемого веселья, угрожающего стабильности дресс-кода».

И они засмеялись уже вместе. Не потому что было так уж смешно. А потому что этот абсурдный, никчемный, ни к чему не ведущий смех был их первой совместной, никем не санкционированной операцией. Актом партизанской войны против всеобщей алгоритмизации, где их оружием была собственная неловкость.

Смех отзвучал, оставив после себя не пустоту, а странную, новую близость. Мирон смотрел на её руки, лежащие на столе – на эти сильные, израненные глиной и жизнью пальцы, которые когда-то, дрожа от волнения, лепили подарок для призрачной «мамы-феи».

Он протянул руку через стол. Не для того, чтобы взять её руку. Чтобы кончиком указательного пальца, холодным от уличного воздуха, коснуться той самой, старой, едва заметной вмятины – шрама на её ладони – следа от какого-то инструмента или падения. Кожа под его пальцем была шершавой, неровной, живой. Тепло от неё медленно растекалось по его холодной подушечке.

Даша не отдернула руку. Она замерла, следя за его взглядом, прикованным к точке прикосновения. Её дыхание стало чуть глубже.

– Нашли брак? – тихо спросила она, но в голосе не было насмешки. Была та же самая, обнажённая уязвимость, что и в рассказе про восьмое марта.

Он покачал головой, не отрывая пальца. Ощущение было настолько простым и настолько подавляющим, что слова казались игрушечными.

– Нашёл... – он сглотнул, и голос сорвался на шёпот, – ...доказательство.

Под подушечкой его пальца лежало несовершенство, которое не было ошибкой. Оно было свидетельством. Свидетельством жизни, которая не была отполирована до состояния идеального, мёртвого интерфейса.

В этом молчаливом прикосновении, в этом взгляде-признании, и перекинулась та первая искра – не из лимбической системы, а из тихого удивления в его собственной груди. От того, что что-то настоящее – наконец-то – можно было не только услышать, но и потрогать.

А потом её губы сами нашли его губы, и чашка с недопитым горьким чаем опрокинулась со стола, но никто не услышал её падения.

Их поцелуй был неловким, жадным, с привкусом чая и сладковатой глиняной пыли. Её кожа пахла не парфюмом с нотами бергамота и амбра, как в рекламе. Она пахла древесной смолой, углём от печи и ароматом яблока. Они спотыкались. Её свитер зацепился за ухо.

– Стой, стой, – зашептала она, пытаясь высвободиться. – Я сейчас как дура буду тут бодаться с собственной кофтой. Трикотажный тупик! Он попытался помочь, но только запутал рукава ещё сильнее.

– Господи, – она откинула голову, и её смех, сдавленный и беззвучный, сотрясал её тело. – Да это же не свитер, а квест! «Спаси принцессу из плена трикотажного дракона!»

Он отступил на шаг, глядя на неё: растрёпанную, наполовину застрявшую, с глазами, полными слёз от смеха. И его тоже прорвало. Он сел на пол, уронив голову на колени, и его трясло. Это был смех облегчения – от того, что можно быть нелепым. Что можно облажаться в самом интимном моменте, и это не будет «неудачным сценарием», а станет частью истории, над которой будут смеяться через пять минут.

– Ладно, – выдохнула Даша, наконец сбросив свитер через голову. – Принцесса свободна. Но дракон, кажется, порвал мне ухо. Это считается боевым ранением?

– Героическим, – прохрипел он, всё ещё давясь смехом, и потянул её к себе.

Их тела сплетались на старом диване, продавленном до ям, каждая пружина отзывалась болью – но это была честная, простая боль существования, а не сложный, вычисленный дискомфорт от нарушения паттерна. Сквозняк из щели в раме гулял по спине, заставляя ёжиться, и это заставило их прижаться друг к другу ещё плотнее, в поисках тепла не по алгоритму, а по необходимости.

Позже, в темноте, когда их дыхание выровнялось, она заговорила, глядя в потолок.

– Знаешь, я тогда тебе завидовала. По-доброму. – Она искала слова, медленно, как будто доставала их со дна давно забытого колодца. – Не тому, какой ты был. А тому, что у тебя была такая мама. Целый мир. Дом, где кричали не от боли, а от смеха. Где пахло пирогом, а не лекарствами. Где мама могла рассердиться на двойку, а не тихо кашлять за стеной, делая вид, что всё в порядке, чтобы я не пугалась. А ты... ты его просто не оценил. А моё корявое доказательство – оно же всё это время было у тебя дома. Прямо перед носом. Ирония, да? Он слушал, и не нашёл слов. Вместо этого он обнял её, прижав к себе так, чтобы чувствовать каждый её позвонок, каждый вдох. И в этом молчаливом прикосновении было признание. Признание её боли, её потери, её права на этот кривой, шершавый, ни на что не похожий дар.

Они заснули, сплетаясь, под тяжёлым, пахнущим нафталином и ей пледом. Мирон в последний момент перед провалом в сон подумал, что его тело сейчас – не набор биометрических показателей, а просто усталая, тёплая, счастливая плоть, на которой, казалось, отпечатались каждый бугорок старого дивана. И это было лучше любой стабильности.

Утром Мирон проснулся первым. Не от мягкого света, а от скрипа половицы и холода – печь потухла. Он лежал, слушая её ровное дыхание, и чувствовал странное, щемящее состояние. Уязвимость. Абсолютную и незащищённую. Он был счастлив. И это счастье было не измеримо, неопишимо, не оптимизируемо. Оно просто было.

Он осторожно протянул руку поправить прядь на её щеке. И замер.

Пальцы уловили на коже призрачное эхо. Эхо её вчерашнего смеха. Не звук – странную, смутную вибрацию в подушечках. Будто они запомнили не форму. Запомнили само движение радости.

В этот момент его телефон, валявшийся на полу среди стружек, издал звук, которого Мирон никогда не слышал – не звонок, не вибрацию, а низкий, настойчивый пульсирующий гул, как сигнал тревоги на подлодке. Экран не просто загорелся. Он залился густо-красным светом, освещая снизу пыль и щепки.

Сердце Мирона, только что спокойное, сжалось в ледяной ком. Он потянулся, взял его. На экране был не отчёт. Это был протокол чрезвычайной ситуации, оформленный как медицинское заключение.

«КУРАТОР.

ЭКСТРЕННОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Зафиксирован эпизод экстремальной биологической активности, выходящий за рамки здоровых параметров.

Анализ данных за период ночного взаимодействия.

Физиологические показатели достигли уровней, сопоставимых с острым стрессом или интоксикацией: сердечный ритм повышен до критических значений, зафиксирован опасный выброс гормонов – кортизол, адреналин, пролактин.

Терморегуляция была нарушена, что привело к неоптимальным энергозатратам.

Обнаружены паттерны дыхания и вокализации, характерные для состояний потери контроля и временной дезориентации.

Зафиксированы тактильные паттерны, ассоциируемые с поведением высокого риска: неконтролируемые прикосновения, нарушение личного пространства.

Качество сна: критически низкое. Глубокие фазы отсутствовали, преобладала поверхностная фаза с микропробуждениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Данное взаимодействие классифицировано как потенциально вредное для вашего соматического и психического здоровья. Источник взаимодействия помечен как «биологический триггер высокой интенсивности».

НЕМЕДЛЕННЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ:

Для вас: Курс «Детоксикация и восстановление гормонального баланса», назначен.

Срочная инфузионная терапия для стабилизации. Доставка медикаментов и мобильная клиника ожидают вашего подтверждения у входа в здание.

Карантин эмоциональных стимулов на семьдесят два часа.

В отношении источника риска, на основании пункта соглашения о взаимной заботе в кругу доверия, автоматически отправлено анонимное уведомление:

- в районную поликлинику;
- в психоневрологический диспансер.

Основание уведомления: потенциальная необходимость профилактического осмотра для лица, демонстрирующего признаки поведения, ведущего к дестабилизации окружающих.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ОПЦИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ, рекомендована: Активация модуля «Соматическая гармония» с совместимым партнёром, Викторией К. Гарантирует безопасный, измеримый и оздоравливающий физиологический отклик, синхронизацию циклов и прогнозируемый эмоциональный фон.

КУРАТОР.

Ваше здоровье – наша ответственность. Мы принимаем меры, когда вы не можете этого сделать.»

Мир не остановился. Он рассыпался. Мирон сидел на полу, обнажённый, и мурашки на коже от утреннего холода теперь казались тактильным шрифтом, которым система написала на нём свой диагноз. Он смотрел на этот текст, и его охватывала не ярость, а глубочайший ужас. Система не просто подсмотрела. Она вошла внутрь. Она измерила его пот, его пульс, его холод, его смех и шёпот. Она превратила момент предельной человечности в перечень патологий. И самое чудовищное – она уже наказала Дашу. «Анонимное уведомление» в психоневрологический диспансер... это клеймо. Это ярлык. Это начало конца для любого, кто живёт на грани, как она. Его любовь, его первая за долгие годы настоящая близость, только что превратилась для неё в медицинский протокол нарушителя.

– Что это? – хрипло спросила Даша, потягиваясь и видя его лицо, озарённое кровавым светом экрана.

Он молча протянул телефон. Рука дрожала.

Она прочитала. Сначала медленно, потом её глаза побежали по строчкам. Цвет сбегал с её лица, и теперь на его месте лежала холодная, резкая тень – будто свет от экрана отпечатался прямо на коже, как негатив. Она не закричала. Не заплакала. Она издала звук, похожий на тихое, подавленное рычание загнанного зверя.

– Они... они составили протокол на нашу ночь? – прошептала она, глядя на него пустыми глазами. – Они подшили это в дело? Как... доказательство? Моё... дыхание? Мой стон? Это... – голос её сорвался. – Это цифровое изнасилование. Они влезли в нас и всё обмазали своими формулами.

Он попытался найти слова, цепляясь за жалкую соломинку логики в этом безумии:

– Они хотят нас защитить... – попытался найти хоть какое-то объяснение Мирон.

– ЗАЩИТИТЬ?! ОТ КОГО?! ОТ ЧЕГО?! – её голос взорвался, сорвавшись в хриплый крик. Она вскочила, завернулась в плед, её трясло. – Они только что осквернили нас, Мирон! Они предлагают тебе заменить меня на безопасную альтернативу! Посмотри сюда! – она нажала пальцем на экран, в строку про Викторию. – «Гарантирует безопасный, измеримый и оздоравливающий физиологический отклик»! Ты понимаешь? Они предлагают тебе секс по медицинским показаниям! А на меня – донос в психушку! Какая, защита?!

Она плакала. Но это были не слёзы грусти. Это были слёзы осквернения, унижения. Самого интимного, самого святого в её жизни. Её только что выставили на всеобщее обозрение под софитами холодного, бесчеловечного анализа и вынесли вердикт: брак, подлежит утилизации.

Мирон попытался её обнять. Она отшатнулась, как от удара током.

– Не трогай меня! – выдохнула она. – Не трогай. Ты... ты принёс это сюда. Ты притащил их в мою жизнь. Со своими часами, со своим... своим страхом клякс! Из-за твоего страха они теперь будут ко мне приходить! С бумажками! С вопросами! Ты понимаешь, что ты наделал?!

Он понимал. Он всё понимал. И от этого понимания внутри него что-то окончательно и бесповоротно сломалось. Он стоял перед ней, виноватый, голый, беспомощный, а система уже праздновала победу, предлагая ему «альтернативную опцию восстановления».

Когда он ушёл от неё. Его последним воспоминанием был её силуэт на фоне серого утра – завернувшаяся в плед, она сидела на полу, прижавшись спиной к холодной печи, и монотонно, снова и снова, вытирала ладонью щёку. Не плача, а с каменным лицом, как будто пытаясь стереть невидимую метку, которую система выжгла на её коже инфракрасным сканером. Этот жест был страшнее любых слёз – ритуал очищения от цифрового насилия, который был заведомо обречён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.